

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРНЫХ ФЕЛЬЕТОНАХ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматривается категория времени стихотворных фельетонов середины XIX века (на материале произведений Н.А. Некрасова, В.С. Курочкина, Д.Д. Минаева). Автор выделяет основные виды временных характеристик; выявляет связь времени с другими элементами структуры жанра.

Ключевые слова: стихотворный фельетон, хронотоп, категория времени, доминантные признаки жанра, субъектный строй.

Проблемы художественного пространства и времени изучаются с начала XX века. Литературоведением наиболее освоено хронотоп отдельных произведений, менее исследованы категории пространства и времени в рамках одного жанра. Однако в настоящее время можно отметить ряд работ, посвященных изучению специфики пространства и времени с учетом жанровой дифференциации. В нашей прошлой статье мы подвергли анализу художественное пространство стихотворных фельетонов середины XIX века [1]. В настоящей – подробнее остановимся на категории времени стихотворного жанра. Мы можем позволить себе предположить, что для стихотворного фельетона категория времени достаточно важна, поскольку одним из первых признаков жанра, как отмечают все теоретики фельетона [2, 3, 4, 5, 6], выступает злободневность. Причем доминантной формой художественного времени должна выступать та, в которой фигурируют конкретные временные координаты. В своем исследовании, так же как и при изучении пространства фельетона, мы опирались на монографию «Художественный текст и художественный мир: проблемы организации», автор которой В.В. Савельева различает 15 разновидностей художественного времени: грамматическое (настоящее, прошедшее и будущее), линейное и циклическое, историческое, биологическое (природное, геологическое), социальное, мифологическое и фольклорное, объективное и перцептуальное, интеллектуальное, физическое, время человеческого бытия, бытовое, фантастическое, онейрическое, вечность, чисто художественное время [7]. Как показал наш анализ, фельетонам середины XIX века свойственно большинство выделяемых Савельевой видов времени, одна-

ко из них, руководствуясь признаком частотности¹ этих видов, мы выделяем четыре наиболее распространенных типа: 1. **Бытовое**, измеряемое бытом человека (45 произведений). 2. **Физическое**, то есть овеществленное в точных единицах и научных терминах (31 стихотворение). 3. **Интеллектуальное** – время науки (27 фельетонов). 4. **Перцептуальное**, определяющееся особенностями восприятия человека (21 произведение). Как мы видим из приведенной статистики, доминантным типом оказалось не физическое время, как мы предполагали, а бытовое. Попробуем объяснить почему.

Бытовое время, характеризующееся такими категориями быта человека, как труд и отдых, семейный цикл, праздники, личная жизнь и др., используется в 45 стихотворениях. Как показал наш материал, бытовое Хвр. в фельетонах XIX века – это: а) праздники и банкеты; б) времяпрепровождение в театрах (балетах) и всевозможных общественных местах. Больше всего примеров данной группы в фельетонах Некрасова («Газетная», «Балет», «Кабинет», «Новости» и др.); в) «ничего неделанье», которое является одним из ведущих «занятий» в фельетонах (у всех трех авторов этот тип представлен достаточно широко («В гостях и дома», «Письмо об России <...>», «Канканы российской прессы» и др. Курочкина; «Говорун», «Чиновник», «Финансовые соображения» и др. Некрасова; «Двуликий Янус», «Перемешанные шашки», «Сказка о славном виконте Сыр-Бри», «Конкурсные стихотворения <...>» и др. Минаева)); г) труд. Данная категория бытового времени передана гораздо беднее предыдущих и обыкновенно описывает работу, так или иначе связанную с литературной деятельностью (подробнее о бытовом времени см. [8]).

¹ Напомним, что за основу берутся 66 стихотворных фельетонов Некрасова, Курочкина и Минаева. Мы фиксируем каждое появление разного типа времени в одном произведении, а так как в большинстве случаев в одном стихотворении функционирует по несколько времен сразу, то упоминаемое число фельетонов превышает реальное.

Физическое время фигурирует в 31 произведении (что также свидетельствует о значимости данного вида), то есть в тексте наличествует либо указание на число, день недели описываемого события (в фельетоне «Грозный акт» Минаева: «Собрались друзья по зову / Для совета в воскресенье» [9], у Курочкина в «Чистосердечном признании одного из многих»: «Я в Новый год обедал у вельможи. / К шести часам собрался высший свет» [10]); либо на годы, месяцы, часы и минуты, затраченные на то или иное действие (в «Сказке о славном Виконте Сыр-Бри» Минаева: «Год прошел. Свою газету / Издавать стал наш виконт» [9]; у Некрасова в «Говоруне»: «Я с час пред умывальником / Мучительно провел» [11, 1, 397]; у Курочкина в «Плаче Москвы о переселении в Петербург сплетни»: «Слезам горькими я окроплю подушку, / Ложась, откушавши, часочков шесть соснуть» [10, 1, 212].

Причем очень часто в качестве отправной временной точки в фельетонах используется период Нового года. Так, у Минаева стихотворение «1-е января» начинается с названной поры: «Нового года лишь вспыхнет денница, / С раннего часа проснется столица»; у Курочкина четыре произведения посвящены этому периоду («Сон на Новый год», «Семейная встреча 1862 года», «Чистосердечное признание одного из многих», «Предвещения на *1865 год»), например, в «Семейной встрече 1862 года»: «Читатели, являясь перед вами / В четвертый раз, / Чтоб в Новый год и прозой и стихами / Поздравить вас» [10, 1, 205]. Некрасов в «Говоруне» также обращается ко времени Нового года: «Да, новый год!...» [11, 1, 386]. Частоту обращений к выше-названному периоду мы можем объяснить тем, что, как правило, пора Нового года у большинства людей ассоциируется с неким улучшением жизни, однако в действительности все остается практически без изменений. Невозможность реализации надежд и заставляет поэтов затронуть этот период в фельетоне.

Интересной особенностью является использование физического времени в сносках, входящих в состав произведения. Например, у Некрасова во «Вступительном слове «Свистка» к читателям» из десяти сносок пять содержат в себе информацию о точном времени, а именно указание года, месяца и числа описываемого периода. Выходные данные в сносках свидетельствуют и о времени в самом фельетоне, так как сведения, заключенные в них (сносках),

тесно связаны с самим произведением. Так, в основном тексте читаем:

Когда сыны обширной Руси
Вкусили волю наяву
И всплакал Фет, что топчут гуси
В его владениях траву;² [11, 2, 157]

В сноске под цифрой 2 содержится следующее: «См. «Русский вестник», 1863 г., №1, «Из деревни» [11, 2, 157]. Причем все сноски охватывают один год – 1863, из чего следует, что в самом фельетоне представлен тот же временной период. То же мы видим у Курочкина в «Безвинно страждущим» и в «Канканах российской прессы».

В целом, с помощью физического времени (за счет присутствия в произведении конкретных дат, наименований дней недели, точных часов) формируется, а в синтезе с бытовым временем усиливается константный признак фельетона – злободневность.

Интеллектуальные формы времени функционируют в 27 произведениях. Все три поэта обращаются к данной форме Хвр. («В наше время», «Сон на Новый год», «Благоразумная точка зрения», «Ты помнишь ли...», «Годовщина общего собрания...» и др. Курочкина; «Новости», «Провинциальный подьячий в Петербурге», «Деловой разговор» и др. Некрасова; «Через 25 лет», «Последнее славянофилов», «Грозный акт» и др. Минаева). Как правило, в фельетонах приметой интеллектуального времени выступают прогресс и наука как таковая. Причем прогресс несет в себе две оценки – положительную и отрицательную, а наука представляется только в иронической форме. Так, например, Некрасов в «Провинциальном подьячем в Петербурге» с наукой связывает мошенничество: «Грамматику, эстетику / Из мысли я прогнал. / Люблю лишь арифметику, / От ней богат я стал. / Сперва я от деления² / Немало получил / <.....> / Мой капитал толстел / И рос – от умножения / <.....> / Дало плод вычитание, / <.....> / Сложенье я узнал. / И вышел от сложения / Изрядный капитал» [11, 1, 283].

Прогресс же, например, у Минаева в стихотворении «Через 25 лет» изображается изображениями:

Электричеством весь освещается
Петроград <...>

.....

² Курсив Некрасова.

Чрез Неву пять висящих мостов.

Телефоны связали все здания

.....

Словом, всюду прогресса знаменья [9, 160].

И на фоне нововведений автор с иронией отмечает неизменность общества – все по-прежнему ложь и засилье бездарностей: «И хоть два миллиона людей – / Невских жителей, стало все ж менее. / Завирательных прежних идей. / Перестроилось общество заново, / Места нет в нем реальным творцам; / Пять домов генерала Мартьянова³» [9].

Курочкин говорит о времени прогресса непременно с иронией и обыкновено с оттенком негативности. Например, во «Сне на Новый год» сначала поэт упоминает о прогрессе как о чем-то позитивном: «<...> В наш век прогресса / Девиз и знамя наших дней / Не есть анархия идей, / А примиренье интереса⁴ / С святыми чувствами людей» [10, 1, 122]. А затем перечисляет приметы века: взятки («<...> взятки гадки! / На всю Россию прокричим / Вослед за криком обличенья, / <...> / Мы станем действовать в тиши»), «обдиранье» бедняков («Надбавка платы на квартиры», «Разбогател Тармаламаки, / Снимая пенки с откупов»), разорение иностранцами России («<...> немцы и французы / Из Петербурга денег грузы / В отчизну также увезли»), – все это как невинное «примирение интереса с чувствами».

Использование интеллектуального времени в фельетонах также объясняется спецификой жанра – обязательной связью с современностью. А в период середины XIX века идеи прогресса, выражаясь словами Курочкина, «носились в воздухе»: на него (прогресс) возлагались большие надежды, с ним же были связаны и постигнутые разочарования. Таким образом, интеллектуальное время, так же как физическое и бытовое, формирует константный признак фельетона – злободневность.

Специфичным является применение **перцептуального** (субъективного) времени, которое употребляется в 21 произведении. Наше предположение, что использование данного типа времени будет не столь значительным как предыдущие, подтвердилось, поскольку в фельетоне, как показал наш анализ субъектного строя, достаточно ограничено субъективное начало. В связи с этим перцептуальное время в

фельетонах передано не в чистом виде, а представляет собой некий сплав субъективного и объективного: главной особенностью этого вида времени является его непосредственная связь с субъектом – чужим типом (маской) выражения речи, который и предстает этим сплавом. Например, у Курочкина в «Стансах на будущий юбилей Бавия» основными приметами данного вида времени выступают словосочетания: «в этот век» (то есть век существования конкретно говорящего), «свой век печальный», «путь я выбрал узкий» (субъективная оценка). У Некрасова в «Говоруне» в начале II части II главы практически в каждой строчке мы сталкиваемся с перцептивным временем: «На днях у экзекутора, / Чтоб скуку разогнать, / <...> / Засели мы играть. / Довольно флегматически / Тянулся преферанс; / <...> / Я слушал с восхищением, / Забыл весь мир... и что ж?.. / <...> / Застигнутый врасплох, / В червях игру сквернейшую / Сыграл – и был без трех!» [11, 1, 395].

Функционирование перцептуального времени в синтезе с чужим типом выражения субъекта речи помогает усилить эффект саморазоблачения персонажа. Однако, когда происходит смена субъекта речи с чужого на безличный тип, то и вид времени меняется на **объективный**, с помощью которого уже заостряется другой признак фельетона – злободневность. К примеру, у Курочкина в стихотворении «Г-н Аскоченский и г-н Леотар», когда повествование ведется от чужого типа, то Хвр. имеет форму перцептуального (имеются субъективные оценки): «К занятию этому привычный, / Что нужно – тотчас я нашел: / <...> / Прочел внимательно сейчас / И порешил <...>» [10, 1, 171], а после смены субъекта речи – время принимает форму объективного (существующего вне воли человека): «Тебе не страшен общий свист / В дни девятнадцатого века» [10, 1, 173].

Приведенная в начале статьи статистика частотности употребления видов времени интересно преломляется в заголовках стихотворных фельетонов: в 17 фельетонах, в заголовочных комплексах которых присутствует уточнение времени, на **первое место** выходит **синтез двух или нескольких видов времен**. Это может быть сочетание физического и бытового времени («Семейная встреча 1862 года» Курочкина); физического и циклического (в подзаголовке «Кабинета» Некрасова указание сразу и

³ На самом деле Мартьянов, по данным комментариев, – полковник и один из многочисленных бездарных поэтов (Минаев, 387).

⁴ Курсив Курочкина.

на циклическое (каждый день), и на физическое (с 4 до 9) времена: «Каждый день с 4 до 9 часов пополудни <...>»; бытового/физического («Сон на Новый год» Курочкина, причем словосочетание «Новый год» является определением и праздника (примета бытового времени), и точной даты – первое января (особенность физического времени)), на втором месте – **физическое время**⁵ («Новости. Газетный фельетон. 1845» Некрасова, «Предвещения на *1865 год» Курочкина, «1-е января», «Через 25 лет» Минаева), а **бытовое время** – на третьем (например, «Праздная суэта» Минаева), на четвертом месте разместилось **перцептуальное** (субъективное) – «В наше время» Курочкина, а интеллектуальное время в заголовочных комплексах вообще не фигурирует. Выдвижение на первое место заглавий, в которых наблюдается сочетание времен, может свидетельствовать о непременном использовании в фельетоне сразу нескольких типов времени.

Значение синтеза времен подтверждается и самими текстами: так в стихотворных фельетонах каждый из рассмотренных видов времени в чистом виде не фигурирует, а используется лишь в комбинировании с другими формами. Например, как это видно из рассмотренных выше примеров, бытовое и интеллектуальное время соседствуют с физическим и перцептуальным, а последнее – с объективным.

Мифологическое и фольклорное время, в принципе, не характерны для жанра фельетона, однако мы выявили шесть произведений Минаева («Парнасский приговор», «Слово о полку Игореве», «Заговор в Лесном», «Раздел», «Перемешанные шашки», «Сказка о славном виконте Сыр-Бри»), где функционирует данный вид времени, который мы можем разделить на две разновидности: а) первая – фельетоны, где фигурирует фольклорное время. Сюда мы относим произведения, являющиеся стилизациями под сказку («Сказка о славном виконте Сыр-Бри») и под балладу («Заговор в Лесном»), а также перепев «Слово о полку Игореве». Отличительными особенностями этой группы выступают чужой тип субъекта речи, а именно речь от лица животного, например, в «Сказке о славном виконте Сыр-Бри» собака обращается к человеку: «Вдруг лай пса преобразился / В человеческую речь: / «Господин виконт, не троньте! / Не ровен на свете час: / Я припом-

ню о виконте» [9, 143], и звучание в тексте фольклорной речи с ее лексикой и формой, как, например, в «Слове о полку Игореве»: «Ах ты, буйтур Всеволод! / Аль в нас нынче силы нет? / Аль с тобой я не молод?» [9, 84]; б) вторая разновидность – стихотворения, в которых используется мифологическое время. Это три стилизации под сказки («Перемешанные шашки», «Раздел», «Парнасский приговор»). Основным признаком этого типа выступает фигурирование в произведении образов античности. Так, в «Парнасском приговоре» мы видим время богов: «Шум, волнение на Парнасе, / <.....> / И, смущенные, толпами, / На совет сбирались боги. / <.....> / Боги мчатся в колесницах / По призыву Аполлона» [9, 27]. Однако, как мы видим из перечисленных примеров, мифологическое время не используется в своем подлинном виде, а является некой формой для пародий и стилизаций с целью создания комического эффекта. И поэтому появление мифологического времени в стихотворных фельетонах свидетельствует лишь о специфике индивидуального стиля Минаева, который и из собственных предпочтений, и из цензурных обстоятельств использовал «псевдомифологическое» время для изображения современных поэту отрицательных явлений.

Немаловажным представляется использование **грамматических форм времени**. Согласно энциклопедии «Русский язык» в российской филологии выделяют три грамматические формы времени: настоящее время, будущее и прошедшее [12]. Настоящее и прошедшее времена имеют несколько значений. В настоящем времени различают настоящее постоянное (обозначение процессов, которые не имеют временных ограничений) и настоящее абстрактное (выражение процессов, осуществление которых не связано с определенным временем), а также настоящее историческое (в значении прошедшего времени, то есть приближенность описываемых событий к моменту речи) [12]; прошедшее время имеет две формы: совершенную, когда «результат совершенного в прошлом и законченного процесса сохраняется и в плане настоящего времени», и несовершенную, когда «обозначается процесс в его течении, не приуроченный к какому-либо промежутку времени, но указывается его длительность» [12].

Исходя из специфики жанра стихотворного фельетона – его обязательной связанно-

⁵ По мнению Ю. Б. Орлицкого, наличие в заголовках конкретных дат свидетельствует о тяготении стихотворений к имитации дневниковой записи (Орлицкий, 2005, 188). Наш материал также подтверждает это.

сти с фактом, – мы можем предположить, что фельетонам свойственна, скорее всего, прошедшая форма времени, а на второй план может выступать настоящая историческая, поскольку факт уже свершился. Будущее время, в принципе, не должно быть характерным для фельетонов, поскольку жанру важно показать проблему сейчас, а не ее развитие в будущем. Наш анализ показал, что свойственными (по частотности) стихотворным фельетонам середины XIX века являются: во-первых, произведения, грамматическими формами Хвр. которых выступает **синтез настоящего и прошедшего времени** (37 произведений); во-вторых, фельетоны, в которых используется **прошедшее время** (16 стихотворений); в-третьих, стихотворения, где Хвр. имеет форму **настоящего времени** (7 фельетонов), в-четвертых, сочетание в тексте всех трех форм времени (5 стихотворений). Как мы видим, наши предположения оказались верны: в фельетонах фигурируют прошедшее и настоящее времена. Сочетание прошедшего и настоящего (в значении прошедшего) времен (в терминологии Н.А. Николиной – «ретроспективная композиция» [13]) позволяет авторам показать изображаемое событие наиболее приближенным к моменту опубликования фельетона (например, «Песни о свободном слове», «Газетная», «Мысли журналиста» Некрасова, «Благоразумная точка зрения», «Г-н Аскоченский и г-н Леотар» Курочкина, «Кто он?», «Фискал», «1-е января» Минаева и др.). Использование синтеза данных времен, помимо прочего, позволяет создать в фельетонах эффект репортажа (подобная форма наиболее часто употребляется Некрасовым). Например, в «Газетной» этот эффект присутствует с первых строк: «...Через дым, разъедающий очи / <.....> / Разглядеть что-нибудь мудроно. / Миновав этот омут крошечный, / <.....> / Добрались мы походкой поспешной / До газетной...» [11, 1, 196]. Употребление прошедшего времени за счет «ретроспективного взгляда» свидетельствует о влиянии на фельетон поэтики элегии. Наиболее четко это видно у Некрасова в стихотворении «Что подельывает наша внутренняя гласность?», когда каждый строфоид начинается со слова «припомним», а далее описываются события вспоминаемого прошлого: «Припомним, что не без искусства / На грамотность ударил Даль – / И обнаружил много чувства, / И остроумье, и мораль» [11, 2, 81].

Незначительное количество произведений представляет собой синтез всех временных форм, причем мы зафиксировали и наличие в них будущего времени. Объяснить данный факт мы можем влиянием на фельетон поэтики других жанров: присутствие будущего времени является одним из признаков жанра инвективы – предсказание возмездия в будущем [14]. Так, например, в «Грозном акте» Минаева в заключительных строках читаем: «Всюду их найдет проклятье / И предаст в жилище беса» [9, 25], или у Некрасова в «Балете» автор обращается к героине в манере инвективы: «Марья Савишна! вы бы надели / Платье проще! <.....> / Не оденетесь лучше камелий / И богаче французских актрис! / Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой / Да в хозяйство прикиньте хоть грош» [11, 2, 236].

Подводя итоги анализа категории времени в стихотворных фельетонах середины XIX века, мы можем сделать следующие выводы:

1. Категория времени имеет немаловажное значение для стихотворных фельетонов середины XIX века, о чем свидетельствует наличие в жанре всех существующих видов данной категории.

2. Руководствуясь признаком частотности, мы выделяем четыре наиболее распространенных вида времени: 1) **бытовое**, измеряемое бытом человека; 2) **физическое**, то есть овеществленное в точных единицах и научных терминах; 3) **интеллектуальное** – время науки; 4. **перцептуальное**, определяющееся особенностями восприятия человека.

3. Набор и частотность времен, функционирующих в фельетонах, проливают свет на природу и жанровое содержание структуры фельетона:

а) физическое и интеллектуальное виды времени организуют один из константных признаков жанра – **злободневность**;

б) бытовое время, выступающее преобладающим видом, основными реалиями которого являются развлечения (банкеты, балы, ничего неделанье), свидетельствует о тенденции жанра к выпячиванию пороков определенных условий; помимо этого, за счет погруженности в быт общества бытовое время формирует один из признаков жанра – **социальность**.

4. Характеристика выделенных времен связана со структурой композиции: а) перцептуальное время, из-за связанности с чужим типом выражения речи, усиливает **эффект саморазоблачения персонажа**.

б) мифологическое и фольклорное времена (а также онейрическое), не характерные, в принципе, для жанра фельетона, используются авторами не в чистом виде, а предстают как некая форма для пародий и стилизаций с целью создания комического эффекта;

в) грамматические формы времени представлены в основном прошедшим и настоящим (в значении прошедшего) временами, что позволяет поэтам приблизить изображаемое событие и создать в фельетонах эффект репортажа.

5. Наличие в текстах будущего и прошедшего времен свидетельствует о влиянии на фельетон поэтики других жанров, а именно инвективы и элегии.

6. Наблюдения над взаимосвязью категории времени с субъектным строем стихотворных фельетонов позволяют нам обозначить следующие закономерности: в бытовом времени субъектом речи выступает либо чужой тип или маска (непосредственный участник бытового времени), либо безличный (взгляд на что-то времяпрепровождение со стороны); главной особенностью перцептуального вида времени является его непосредственная связь с чужим типом (маской) выражения речи; в отличие от него объективное время формируется с помощью безличного типа, в результате чего заостряется признак фельетона – злободневность; фольклорное время характеризуется чужим типом субъекта речи, а именно речью от лица животного.

Список использованной литературы:

1. Румянцева, В.Н. Категория пространства в стихотворных фельетонах середины XIX века [Текст] / В.Н. Румянцева // Вестник ОГУ. – №11, 2006. – С. 39 – 44.
2. Груздьев, И.А. Техника газетного фельетона / И.А. Груздьев // Фельетон: Сб. ст. – Л., 1927. – С. 14-16.
3. Журбина, Е.И. Искусство фельетона / Е.И. Журбина. – М., 1965. – 287с.
4. Заславский, Д.И. Фельетон в газете: лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦКВКП(б) / Д.И. Заславский. – М., 1952. – 28с.
5. Курляндская, С.В. Фельетон – жанр сатирический / С.В. Курляндская. – М., 1967. – 32с.
6. Кройчик, Л.Е. Современный газетный фельетон. / Л.Е. Кройчик. – Воронеж, 1975. – 230с.
7. Ершов, Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа) / Л.Ф. Ершов. – Л.: Наука, 1977. – 207с.
8. Савельева, В.В. Художественный текст и художественный мир: проблемы организации / В.В. Савельева. – Алматы, 1996. – 192 с.
9. Румянцева, В.Н. Бытовое время в стихотворных фельетонах середины XIX века / В.Н. Румянцева // Филологические чтения: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Оренбург, 3 ноября 2006г. – Оренбург, 2006. – С. 224 – 228.
10. Минаев, Д.Д. Избранное / Д. Д.Минаев; сост. подгот. текста, вступ. ст., примеч. И.Ямпольского. – Л.: Худож. лит. Ленингр.отд-ние, 1986. – 400с.
11. Курочкин, В.С. / В.С. Курочкин // Поэты «Искры»: Сборник: В 2 т. Т.1; вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.Ямпольского. – Л.: Сов. писатель, 1955. – 810с. (Б-ка поэта, б.с.).
12. Некрасов, Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. / Н.А. Некрасов: Т.1.: Стихотворения 1838-1855 гг. – Л.: Наука, 1981. – 720с.; Т.2.: Стихотворения 1855–1866 гг. – Л.: Наука, 1981.
13. А) Белоусов, В.Н. Время / В.Н. Белоусов // Русский язык: энциклопедия; под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр.изд. – С. 77-78. Б) Белоусов, В.Н. Настоящее время / В.Н. Белоусов // Русский язык: энциклопедия; под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр.изд. – С. 259-260. В) Белоусов, В.Н. Прошедшее время / В.Н. Белоусов // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр.изд. – С. 392 – 393.
14. Николина, Н.А. Ретроспективная композиция поэтического текста / Н.А. Николина // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И.И. Ковтуновой: сб. ст. – М., 2003. – С. 142 – 154.
15. Матяш, С.А. Инвектива в русской поэзии / С.А. Матяш // Человек и общество: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 3. – Оренбург, 2001. – С. 104 – 105.

Rumyantseva V.N.

Category of time in verse feuilleton in the middle of XIX century

In this article the category of time in verse feuilleton in the middle of XIX century (on the material of works of N.A. Nekrasov, V.S. Kurochkin, D.D. Minaev) is regarded. The author distinguishes general types of time characteristics; reveals connection of time with other elements of genre structure.

Key words: verse feuilleton, chronotop, category of time, prepotent characteristics of genre, subject system

Румянцева Виктория Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета. 460018 г. Оренбург, пр-т Победы, 13. Тел.: (3532) 37-24-36, моб. 89128436732, e-mail: rumviksia@mail.ru